

Ричард Бах

Мост через вечность

Порой нам кажется, что не осталось на земле ни одного дракона. Ни одного храброго рыцаря, ни единой принцессы, пробирающейся тайными лесными тропами, очаровывая своей улыбкой бабочек и оленей.

Нам кажется, что наш век отделяет от тех сказочных времен какая-то граница, и в нем нет места приключениям. Судьба: эта дорога, простирающаяся за горизонт: призраки пронеслись по ней в далеком прошлом и скрылись из виду:

Как замечательно, что это не так! Принцессы, рыцари, драконы, очарованность, тайны и приключения: они не просто рядом с нами, здесь и сейчас, – ничего другого и не было никогда на земле!

В наше время их облик, конечно, изменился. Драконы носят сегодня официальные костюмы, прячутся за масками инспекций и служб. Демоны общества с пронзительным криком бросаются на нас, стоит лишь нам поднять глаза от земли, стоит повернуть направо там, где нам было сказано идти налево. Внешний вид нынче стал так обманчив, что рыцарям и принцессам трудно узнать друг друга, трудно узнать даже самих себя.

Но в наших снах мы все еще встречаемся с Мастерами Реальности. Они напоминают нам, что мы никогда не теряли защиты против драконов, что синее пламя струится в нас, позволяя изменять наш мир, как мы захотим. Интуиция нашептывает истину: мы не пыль, мы – волшебство!

Это повесть о рыцаре, который умирал, и о принцессе, спасшей ему жизнь. Это история о красавице и чудовищах, о волшебных заклинаниях и крепостных стенах, о силах смерти, которые нам только кажутся, и силах жизни, которые есть. Это рассказ об одном приключении, которое, я уверен, является самым важным в любом возрасте.

Фактически, в жизни все было почти так, как здесь описано. В нескольких местах я вольно обошелся с хронологией, некоторые персонажи составлены из ряда реальных людей, большинство имен выдуманы. Остальное я бы не смог придумать, даже если бы постарался – реальность была настолько невероятной, что не укладывалась в рамки никакой выдумки.

Вы как читатели, конечно, увидите, заглянув за писательскую маску, что заставило меня поместить эти слова на бумагу.

Но иногда, когда свет лучится точно как сейчас, писатель тоже может заглянуть за маску читателя. Может быть, в лучах этого света мы с вами встретимся где-нибудь на страницах этой книги, – я и моя любовь, вы – и ваша.

Сегодня она будет здесь.

Я глянул из кабины вниз – сквозь ветер и мерцание винта, сквозь полмили осеннего дня – вниз на арендованное мною поле, на кубик сахара – вывеску «Полеты за три доллара», которую я привязал к открытым воротам.

Рядом со знаком дорога с обеих сторон была сплошь заставлена машинами. Их собралась штук, пожалуй, под шестьдесят. И, соответственно, толпа народу, прикатившего поглазеть на полеты. Она вполне могла уже быть там, подъехав несколько мгновений назад. Я улыбнулся. Вполне возможно!

Я перевел двигатель на малый газ, поддернул нос Флайта немного вверх, чтобы он потерял скорость.

Затем до отказа вывел руль направления влево, и выжал ручку на себя до упора.

Зеленая земля, созревшие хлеба и соя, фермы, луга, застывшие в полуденном безмолвии – все вдруг перевернулось, слившись в размытый мdd%*b-k, штопором вихрь. С земли это должно было выглядеть так, словно старая этажерка вдруг вышла из повиновения.

Нос самолета рванулся вниз, цветные штрихи смерча, в который вдруг превратился мир, все быстрее и быстрее вертелись вокруг моих летных очков.

Как долго тебя не было рядом со мной, мой дорогой друг – родная душа, моя милая, мудрая и таинственная прекрасная леди? – думал я. – Сегодня, наконец-то, обстоятельства сложатся так, что заставят тебя оказаться в городке Рассел, штат Айова, и, взяв за руку, приведут сюда, на стелющееся внизу поле скошенной люцерны. Ты подойдешь к краю толпы, не вполне осознавая, зачем, с любопытством созерцая живой, ярко раскрашенный кусок истории, вертящийся в воздухе.

Взбрыкивая и глухо подвывая, биплан несся вниз. С каждой секундой вихрь становился круче, плотнее и громче.

Вращение: а теперь: стоп.

Ручка – вперед, жестким нажатием на правую педаль перебрасываем руль слева направо. Размытые очертания делаются четче, скорость растет, один, два оборота, после чего вращение прекращается, и мы мчимся прямо вниз с максимально возможной скоростью.

Сегодня она должна здесь появиться, – думал я, – ведь она тоже одинока. Потому что она уже знает все, что хотела узнать самостоятельно. Потому что в мире есть лишь один-единственный человек, к встрече с которым ведет ее судьба, и этот человек в данный момент управляет этим вот самым аэропланом.

Крутой выход, убираем газ, выключаем двигатель, винт застыл: Планируем вниз, беззвучно скользя к земле, приземляемся с таким расчетом, чтобы замереть прямо напротив толпы.

Я узнаю ее, едва лишь увижу, – подумал я, – такой яркий образ, – сразу же узнаю.

Вокруг аэроплана теснились люди: мужчины, женщины, семьи с корзинами для пикника, дети на велосипедах. Разглядывают. Рядом с детьми – две собаки.

Отжавшись на руках, я выбрался из кабины и взглянул на людей. Они мне понравились. В следующий момент я с занятой отрешенностью уже как бы со стороны слушал свой собственный голос и в то же время взглядом пытался отыскать ее в толпе.

– Рассел с высоты птичьего полета, люди! Уникальный шанс воспарить над полями Айовы! Последняя возможность перед тем, как выпадет снег! Вперед, – туда, где обитают лишь птицы да ангелы:

Кое-кто засмеялся и заплодировал – кому-нибудь другому, кто решится попробовать

первым. Лица – некоторые с выражением глубокого недоверия и вопроса, некоторые – полные устремления и жажды приключений, были и хорошенькие – веселые и заинтересованные. Но того лица, которое я искал, не было нигде.

– А вы уверены, что это безопасно? – поинтересовалась женщина. – Судя по тому, что я видела, вы – не слишком осторожный пилот!

Покрытая загаром кожа, ясные карие глаза. Ей так хотелось, чтобы ее предположение оказалось справедливым.

– Безопаснее не бывает, мэм! Легкость пушинки! Флайт в воздухе с двадцать четвертого декабря тысяча девятьсот двадцать восьмого года – еще на один полет его, пожалуй, хватит, прежде чем он разлетится на куски:

Она изумленно моргнула.

– Шучу, – сказал я. – Он будет летать даже спустя годы после того, как нас с вами не станет, уверяю вас!

– Кажется, я ждала достаточно долго, – сказала она, – мне всю жизнь хотелось покататься на одном из этих:

– Тогда вам должно понравиться.

Я толкнул винт, чтобы запустить двигатель, помог ей забраться в переднюю кабину и застегнуть привязной ремень.

– Невозможно, – думал я. – Она не здесь. Не здесь – не может быть!

Каждый день – уверенность, что сегодня – тот-самый-день, и каждый день – ошибка!

После первого полета было еще тридцать – до самого захода солнца. Я летал и болтал без устали, пока все не разошлось по домам, чтобы вместе поужинать и провести ночь. Я же остался один.

Один.

Неужели она – плод моей фантазии?

Молчание.

За минуту до того, как вода закипела, я вытащил котелок из огня, вытряхнул в него растворимый какао и размешал сухим стебельком. Нахмурившись, произнес, обращаясь к самому себе:

– Дурость какая – искать ее здесь. Недельный давности булочку с корицей я наколол на хворостинку и поджарил над языками пламени.

Да, странствующий пилот на старом биплане – полет сквозь семидесятые годы двадцатого века. Вроде бы, приключение. Раньше оно было приправлено множеством вопросительных знаков. Теперь же все стало таким же знакомым и безопасным, как фотографии в семейном альбоме. После сотого урагана я мог делать их с закрытыми глазами. А после того, как я в тысячный раз обшарил глазами толпу, у меня возникают сомнения: может ли родная душа явиться мне среди скошенных полей.

Денег достаточно. Катая пассажиров, мне вряд ли когда-нибудь придется голодать. Но я не узнаю ничего нового, я просто болтаюсь без толку.

В последний раз я по-настоящему учился два лета тому назад. Тогда я увидел сверху бело-золотистый биплан «Тревл Эйр», припаркованный среди полей. Приземлившись, я познакомился с его пилотом – Дональдом Шимодой, Мессией в отставке, экс-Спасителем Мира. Мы подружились, и в те последние месяцы его жизни он передал мне некоторые секреты своего странного призвания.

Дневник, который я тогда вел, превратился в книгу, я отослал ее издателю. Не так давно она вышла из печати. Большинство его уроков я усвоил хорошо, так что новые испытания попадались действительно крайне редко. Но вот решить проблему с родной душой не удавалось

никак.

Где-то возле хвоста Флайта послышался тихий шорох – крадущиеся шаги по сухой траве. Я повернул голову, прислушиваясь к этому звуку. Шорох стих. Потом появился опять, как если бы кто-то стал медленно подкрадываться ко мне.

Я напряженно вглядывался в темноту

– Кто там?

Пантера? Леопард? Только не в Айове, их в Айове не встречали уже:

Еще один осторожный шаг по ночной траве. Как бы это ни был: Лесной волк!

Я бросился к ящику с инструментом, судорожно пытаюсь ухватить нож, большой гаечный ключ, но было уже слишком поздно. В это мгновение возле колеса самолета возникла черно-белая бандитская маска, изучающий взгляд ярко блестящих глазок, нос, с сопением приноживающийся к запаху коробки с продуктами.

Не лесной волк.

– Эй: Привет, эй ты там: – сказал я. Я рассмеялся: так сильно колотилось сердце. Я сделал вид, что убираю ключ прочь.

Осиротевших крошек-енотов на Среднем Западе часто берут в дом и выращивают в домашних условиях. Когда им исполняется год, их отпускают на волю, но они на всю жизнь остаются домашними.

А что тут плохого? Разве нельзя шуршать себе по полю, в темноте на огонек заглянуть – а вдруг у того, кто разложил костер, найдется что-нибудь вкусненькое – погрызть, коротая ночь?

– Нормально: Давай, иди-ка сюда, приятель! Проголодался?

Хорошо бы чего-нибудь сладенького – кусочек шоколадки: можно зефира -%,-.#., – все сойдет. Енот постоял немного на задних лапках, морща носик и изучая воздух в поисках запаха съестного. Остатки зефира – если, конечно, ты сам на них не претендуешь – вполне сойдет.

Я вытащил кулек из ящика и высыпал кучку мягких шариков в сахарной пудре на подстилку.

– Вот так: иди сюда:

Мини-мишка шумно взялся за десерт. Отдавая должное зефиру, он с довольным чавканьем набил им полный рот.

От лепешки моего изготовления он отказался, едва надкусив ее, прикончил зефир, умял почти весь мой запас медовой воздушной пшеницы и вылакал мисочку воды, которую я ему налил. Немного посидел глядя на огонь, фыркнул: пора двигаться дальше.

– Спасибо за то, что зашел в гости, – сказал я.

Исполненный важности взгляд черных бусин.

Благодарю за угощение. А ты вполне приличное человеческое существо. Ну, ладно, до завтра, вечером увидимся. Лепешки у тебя – отвратительные.

И пушистое создание двинулось прочь. Полосатый хвост растворился в тених, шорох шагов в траве слышен все слабее и слабее. И я остался наедине со своими мыслями и мечтой обрести даму сердца.

Каждый раз все неизменно возвращается к ней.

– Она не относится к сфере невозможного, – размышлял я, – и надежда на встречу с ней отнюдь не является чем-то чрезмерным!

Интересно, что сказал бы Дональд Шимода, сидя здесь, под крылом, сегодня, если бы узнал, что я до сих пор так и не нашел ее?

Что-нибудь само собой разумеющееся, это уж точно. Странное свойство всех его секретов – они были предельно просты.

А если бы я сообщил ему, что потерпел фиаско в поисках ее? Для вдохновения он покрутил бы в руках свою булочку с корицей, внимательно ее изучая, потом запустил бы пальцы в черную

шевелюру и сказал:

– Послушай Ричард, а тебе не приходило в голову, что летать с ветром от одного города к другому – верный способ не отыскать ее, но утратить?

Все так просто. В после бы он молча ждал моего ответа.

Я ответил бы на это, если бы он был здесь, я бы сказал:

– О'кей. Полет за горизонт – не то. Я брошу это. Однако скажи, как мне ее найти?

Он бы прищурился, несколько расстроившись оттого, что я задал этот вопрос ему, а не самому себе:

– А ты счастлив? В данный конкретный миг – занимаешься ли ты тем, чем хотел бы заняться больше всего на свете?

Привычка заставила бы меня ответить, что да, разумеется, я распоряжаюсь своей жизнью в точности так, как мне нравится.

Холод нынешней ночи, и вопрос – тот же самый – с его стороны, и что-то изменилось. Занимаюсь ли я тем, чем больше всего хотел бы заняться?

– Нет!

– Вот это новость! – произнес бы Шимода. – Как по-твоему, что бы это могло означать?

Я моргнул, прекратил воображать и вслух заговорил с собой:

– Ага, это значит, что ампула странствующего пилота себя исчерпало! И в данный момент я смотрю на огонь своего последнего костра, а тот парнишка из Рассела, с которым мы поднимались в воздух в сумерках, был последним моим пассажиром.

Я попытался еще раз вслух сформулировать:

– Со странствующим пилотом покончено.

Заторможенность безмолвного шока. И шквал вопросов. Новое качество неведения – некоторое время я пытался распробовать его, оценить неведомый привкус. Что делать? И что со мной будет?

После основательной определенности ремесла бродячего пилота, меня захлестнуло удивительное наслаждение новизны, подобное прохладному буруну, "а/%-("h%,сао из неизведанных глубин. Я понятия не имел, что буду делать!

Говорят, что когда закрывается одна дверь, другая – открывается. Я ясно вижу захлопнувшуюся за мной дверь, с надписью «ЖИЗНЬ СТРАНСТВУЮЩЕГО ПИЛОТА». За ней остались ящики и корзины, полные приключений – тех, которые превратили меня из того, кем я был, в того, кто я есть. А теперь пришло время двигаться дальше. Ну, и где же эта самая только что распахнувшаяся дверь?

– Если бы я был просветленной душой, – подумал я, – что бы я сказал сейчас самому себе? Не Шимода, но просветленный я сам?

Прошло мгновение, и я уже знал, что было бы сказано:

– Посмотри-ка на то, что окружает тебя в данный момент, Ричард. Что в этой картине не так?

Я огляделся во тьме. С небом все было в порядке. Что может быть не так в небе, испещренном сверканием взрывающихся алмазами удаленных на тысячи световых лет звезд? А во мне – разглядывающем этот фейерверк из вполне безопасного места? А самолет – надежный и верный Флайт, готовый нести меня, куда бы я не пожелал? Что не так в нем? Все так, все правильно.

А неправильно вот что: здесь нет ее! И я должен изменить ситуацию. И начну прямо сейчас!

– Не торопись, Ричард, – подумал я. – И на этот раз измени своим правилам. Пожалуйста, не спеши! Пожалуйста, подумай сначала. Хорошенько подумай.

Продумать все до конца. Ибо во тьме скрыт еще один вопрос – вопрос, которого я никогда не задавал Дональду Шимоду, и на который он не отвечал.

Почему обязательно случается так, что самые продвинутые из людей, те, чьи учения живут веками, пусть в несколько извращенной форме религий, почему эти люди непременно должны оставаться одинокими?

Почему мы никогда не встречаем лучащихся светом жен или мужей, или чудесный людей, которые на равных делят с ними их приключения и их любовь? Те немногие, кем мы так восхищаемся, неизменно окружены учениками и любопытными, на них давят те, кто приходит за исцелением и светом. Но как часто мы встречаем рядом с кем-нибудь из них родственную душу, человека сильного, в славе своей равного им и разделяющего их любовь? Иногда? Изредка?

Я невольно сглотнул – в горле пересохло.

Никогда.

– Самые продвинутые из людей, – подумал я, оказываются самыми одинокими!

Может быть, у совершенных нет родных душ потому, что они переросли все человеческие потребности?

Никакого ответа от голубой Беги, мерцающей в своей арфе из звезд.

Достижение совершенства в течение всего множества жизней – это не моя задача. Но эти люди – ведь им, вроде бы, предназначено указывать нам путь. Утверждал ли кто-либо из них: «Забудьте о родственных душах, родственных душ не существует?»

Неторопливо стрекочут сверчки: «Может быть, может быть».

Это стало каменной стеной, о которую разбились последние мгновения вечера.

– Если они это утверждают, – проворчал я, обращаясь к себе, – они заблуждаются.

Мне было интересно, согласится ли она со мной, где бы она ни была. Заблуждаются ли они, моя милая незнакомка?

Она не ответила из своего неизвестно-где.

К тому времени, когда наутро крылья оттаяли от инея, чехол мотора, ящик с инструментом, коробка с продуктами и таганок были уже аккуратно уложены на переднем сиденье, запакованы и как следует закреплены. Остатки завтрака я оставил еноту.

Во сне ответ нашелся сам собой: Те просветленные и совершенные – они ,#сб предполагать что угодно, но решения принимаю я сам. А я решил, что не собираюсь прожить жизнь в одиночестве.

Я натянул перчатки, толкнул винт, в последний раз запустил двигатель и устроился в кабине.

Что бы я сделал, если бы увидел ее сейчас идущей по скошенной траве? Дурацкий импульс, странный холодок в затылке, я осмотрелся.

Поле было пустым.

Флайт взревел на подъеме, повернул на восток и приземлился в аэропорту Кэнкэки, штат Иллинойс. В тот же день я продал аэроплан за одиннадцать тысяч долларов наличными и упаковал деньги в свой сверток с постельными принадлежностями.

Последние долгие минуты наедине с моим бипланом. Я поблагодарил и попрощался, дотронулся до винта и, не оборачиваясь, быстро покинул ангар.

Приземлился, богатый и бездомный. Я ступил на улицы планеты, обитаемой четырьмя миллиардами пятьюстами миллионами душ, и с этого момента с головой погрузился в поиски той единственной женщины, которая, согласно мнению лучших из когда-либо живших людей, не могла существовать в природе.

То, что очаровывает нас, также ведет и защищает. Страстная одержимость, чем-нибудь, что мы любим – парусами, самолетами, идеями – и неудержимый магический поток прокладывает нам путь вперед, низводя до нуля значительность правил, здравый смысл и разногласия, перенося нас через глубочайшие ущелья различий во мнениях. Без силы этой любви:

– Что это вы пишете? – она смотрела на меня с таким изумлением, словно никогда не видела, чтобы кто-то писал в блокноте ручкой по дороге на юг в автобусе, направляющемся во Флориду.

Когда кто-либо врывается в мое уединение, разрушая его своими вопросами, я имею обыкновение иногда отвечать без объяснений, чтобы напугать человека и заставить его помолчать.

– Пишу письмо самому себе – тому, кем я был двадцать лет назад. Называется «Жаль, Что Я Этого Не Знал, Когда Был Тобой».

Несмотря на мое раздражение, ее глаза – весьма приятно было это видеть – загорелись любопытством и храбрым намерением это любопытство удовлетворить. Глубина карих глаз, темный водопад гладко зачесанных волос.

– Почитайте его мне, – ничуть не испугавшись, попросила она.

Я прочел – последний абзац до того места, на котором она меня прервала.

– Это правда?

– Назовите что-нибудь одно, что вы любили, – предложил я. – Привязанность не считается.

Только то, что внушало вам всепобеждающую неуправляемую страсть:

– Лошади, – мгновенно отозвалась она. – Я любила лошадей.

– Когда вы были с вашими лошадьми, мир приобретал иную расцветку, чем имел все остальное время. Да?

Она улыбнулась:

– Точно. Я была королевой Огайо. Маме приходилось вылавливать меня с помощью лассо, чтобы выдернуть из седла и заставить идти домой. Бояться? Только не я! Я скакала на большом жеребце – его звали Сэнди – и он был моим другом, и пока я была с ним, никому бы и в голову не пришло меня обидеть. Я любила Сэнди.

Мне показалось, что она высказалась до конца. Но она добавила:

– А сейчас нет ничего, к чему я относилась бы таким же образом.

Я промолчал. Она погрузилась в свои собственные воспоминания, в те времена, когда Сэнди был с ней. Я вернулся к письму.

Без силы этой любви, мы становимся лодками, увязшими в штиле на море беспросветной скуки, а это смертельно:

– А как вы собираетесь отсылать письмо туда – в то время, которое прошло двадцать лет назад? – поинтересовалась она.

– Не знаю, – ответил я, заканчивая последнее на странице предложение. – Но разве не будет ужасно, если в тот день, когда я узнаю, как отправлять послания в прошлое, мне нечего будет послать? Так, что, пожалуй, прежде всего следует приготовить пакет. А потом уже подумать о пересылке.

Сколько раз я говорил себе о чем-то: «Как плохо, что я этого не знал, когда мне было

десять; если бы я понял это в двенадцать; сколько времени ушло попусту, пока я понял; я опоздал на двадцать лет!»

– А куда вы направляетесь?

– Географически?

– Да.

– Подальше от зимы, – ответил я. – На Юг. В самую середину Флориды.

– Куда именно во Флориде?

– Трудно сказать. Я собираюсь встретиться со своей подругой, но где она – я в общем-то не знаю.

Похоже, она наилучшим образом поняла, что скрывалось за этой моей фразой.

– Вы отыщете ее.

Я замялся в ответ и взглянул на нее:

– Вы понимаете, что вы только что сказали? «Вы отыщете ее»?

– Понимаю.

– Будьте добры, объясните.

– Нет, – сказала она, загадочно улыбаясь. Ее глаза мерцали темным сиянием, отчего казались почти черными. Гладкая кожа, покрытая ореховым загаром, ни единой складки или морщинки, ничего, что указывало бы на то, кто она такая. Настолько молода, что лицо выглядит неоформившимся.

– «Нет». То-то и оно, – сказал я, улыбаясь в ответ.

Автобус с гудением мчался по магистральному шоссе, мимо проносились фермы, дорожные знаки цвета осенней листвы вдоль обочины. Биплан мог бы приземлиться на это поле. Правда, столбы по краю дороги высоковаты, но Флайт вполне прошел бы под проводами:

Кто эта незнакомка, сидящая рядом? Улыбка космоса по поводу моих страхов? Стечение обстоятельств, посланное мне, дабы развеять сомнения? Возможно. Все может быть. Может быть – Шимода в маске.

– А вы летаете на самолетах? – как бы между прочим поинтересовался я.

– Сидела бы я тогда в этом автобусе?! От одной только мысли об этом у меня сдают нервы, – сказала она. – На самолетах!

Она передернула плечами и трянула головой:

– Ненавижу летать.

Она открыла сумочку и начала что-то в ней искать.

– Я закурю, не возражаете?

Я отпрянул, рефлекторно съежившись.

– Не возражаю?! Сигарета?! Мадам, пожалуйста!.. – я попытался было объяснить, не задев ее самолюбия. – Вы не: вы намереваетесь напустить дыму в крохотный объем воздуха между нами? Что дурного я вам сделал? За что же тогда вы хотите заставить меня дышать дымом?

Если бы она была Шимодой, она мгновенно вычислила бы, что я думаю по поводу сигарет.

От моих слов она застыла.

– Ладно, извините, я сожалею, – произнесла она наконец и, взяв с собой ас,.g*c пересела на сиденье подальше от меня. Она сожалела, и была задета, и разозлилась.

Плохо, очень плохо. Такие темные глаза.

Я снова взялся за ручку – писать письмо мальчишке из прошлого. Что рассказать ему о поисках родной души? Ручка в ожидании застыла над бумагой.

Я вырос в доме, окруженном изгородью. В изгороди была белая калитка из гладкого дерева. В нижней части калитки – две круглые дырочки, чтобы собаке было видно, что делается снаружи. Однажды я возвращался домой со школьного вечера очень поздно. Высоко в небе

висела луна. Помню, я остановился, рука на калитке, и заговорил, обращаясь к себе и к женщине, которую люблю, так тихо, что даже собаке не было слышно.

– Не знаю, где ты, но где-то ты живешь сейчас на этой земле, и однажды мы вместе – ты и я – дотронемся до этой калитки там, где касаюсь ее сейчас я. Твоя рука коснется вот этого самого дерева вот здесь! Затем мы войдем, и будущее и прошлое будут переполнять нас, и мы будем значить друг для друга так много, как еще никто никогда ни для кого не значил. Встретиться сейчас мы не можем, я не знаю, почему. Однако придет день, и наши вопросы станут ответами, и мы окажемся в чем-то таком светлом: и каждый мой шаг – это шаг к тебе по мосту, который нам предстоит перейти, чтобы встретиться. Но ведь прежде, чем ожидание станет слишком долгим? Пожалуйста, а?

Я столько всего забыл из своего детства, но этот момент возле калитки и все сказанное тогда – слово в слово – остались в памяти.

Что я могу рассказать ему о ней? Дорогой Дик, знаешь, прошло двадцать лет, а я все так же одинок.

Я опустил блокнот и невидящим взглядом посмотрел в окно. Несомненно, к настоящему моменту мое неутомимое подсознание уже нашло ответы для него. Для меня.

Но то, что в нем есть – это всего лишь оправдания. Трудно найти ту самую женщину, Ричард! Ты уже не столь податлив, как раньше, – ты уже прошел фазу открытости ума. Почему так – то, во что ты веришь, за что готов умереть, большинство людей находит смехотворным, а то и попросту безумным.

– А та единственная моя женщина, – думал я, – она должна сама прийти к тем же ответам, к которым пришел я: мир этот в действительности даже отдаленно не напоминает то, чем он кажется, все, скрытое в наших мыслях, осуществляется в нашей жизни, чудеса на самом деле вовсе не чудо. Она и я – мы никогда не сможем быть вместе, если: Я моргнул. Она должна быть в точности такой же, как я!

Конечно, физически намного красивее меня. Ведь я так люблю красоту. Но все мои предубеждения она должна разделять, как и все мои страсти. И я не могу представить себя, влипшего в жизнь с женщиной, за которой повсюду тянется след из дыма и пепла. Если для счастья ей нужны вечеринки и коктейли или наркотики, если она боится самолетов, если она вообще чего-то боится, или если она не абсолютно самодостаточна и не обладает тягой к приключениям, если она не смеется над глупостями, которые я называю юмором, – ничего не получится. Если она не захочет делиться деньгами, когда они у нас будут, и фантазиями, когда денег не будет, если ей не нравятся еноты: ох, Ричард, это так непросто. Без всего, что уже перечислено, и многого другого, – тебе лучше оставаться в одиночестве!

На оборотной стороне блокнота я принялся составлять список под названием Совершенная женщина. На исходе сил автобус утомленно катился по трехсотмильному участку магистрали номер 65 между Луисвиллем и Бирмингемом. К девятой странице своего списка я почувствовал, что несколько обескуражен. Каждая из написанных мною строк была очень важна. Ни без одной нельзя было обойтись. Но этих требований не мог удовлетворить никто: им не соответствовал даже я сам!

Вспышка объективного отношения – жестокое конфетти, роящееся, вокруг #.+."к: я несостоятелен в качестве партии для продвинутой души, причем чем она более продвинута, тем хуже обстоят дела.

Чем более просветленными становимся мы, тем менее возможно для нас жить в согласии с кем-либо где бы то ни было. Чем больше мы узнаем, тем лучше для нас жить самим по себе.

Я написал это так быстро, как только мог. На свободном месте в нижней части страницы я, сам почти того не замечая, приписал: Даже для меня.

Видоизменить список? Могу ли я сказать, что список неверен? Нормально, если она курит, или ненавидит самолеты, или не может удержаться от того, чтобы время от времени не тяпнуть склянку кокаину?

Нет – это ненормально.

С той стороны автобуса, где я сидел, зашло солнце. В темноте за окнами, я знал это, были маленькие фермы с треугольными крышами, крохотные поля, на которых даже Флайт не смог бы приземлиться.

Ни одно желание не дается тебе отдельно от силы, позволяющей его осуществить.

А-а, Справочник Мессии, – подумал я, – где, интересно, он теперь?

Вероятнее всего, где-нибудь в земле среди трав, случайно зарытый плугом на том самом месте, где я выбросил его в день смерти Шимоды. Страницы его открывались всегда на том месте, которое было более всего необходимо читавшему. Однажды я назвал справочник волшебной книгой, и это не понравилось Шимоде. Он недовольно сказал тогда:

– Ты можешь найти ответ где угодно, даже на страницах прошлогодней газеты. Закрой глаза, немного подумай о вопросе и дотронься до любого текста. И там ты найдешь ответ.

Ближе всего под рукой в этом автобусе у меня был печатный текст моего собственного потрепанного сигнального экземпляра той книги, которую я написал о нем – своего рода последний шанс, который издатель дает автору на то, чтобы тот вспомнил, что в слове «дизель» после "з" пишется "е" а не "э". Я был уверен, что это – единственная в англоязычной литературе книга, в конце которой я хотел бы увидеть не точку, а запятую.

Я положил книгу на колени, закрыл глаза и сформулировал вопрос:

– Как мне найти самую дорогую, самую совершенную, самую подходящую для меня женщину?

Не давая яркости формулировки померкнуть, я открыл книгу, коснулся страницы пальцем и закрыл глаза.

Страница 114. Мой палец остановился на слове «привлечь»: Чтобы привлечь что-либо в свою жизнь, представь, будто оно уже там есть.

Ледяной холод прокатился вниз по спине. Я так давно не прибегал к этому методу, я забыл, как хорошо он работает.

Я взглянул в окно и повернул отражатель светильника над сиденьем, пытаясь рассмотреть в нем ее отражение – такой, какой она могла бы быть. Стекло оставалось пустым. Я не увидел родной души. Я не мог вообразить себе, как ее вообразить. Должна ли это быть физическая картина, которую нужно мысленно создать, как будто она – некая вещь? Роста примерно вот такого – довольно высокая, да? Длинные волосы, темные, глаза – цвета морской волны с очарованием небесной синевы, неуловимая, ежечасно изменяющаяся прелесть?

Или качества – представлять себе их? Радужное воображение, интуиция сотни прошлых жизней, которые она помнит, кристальная честность и абсолютное бесстрашие? Как все это вообразить наглядно?

Это очень просто сегодня, но было очень непросто тогда. Образы мерцали и таяли, несмотря на то, что я знал: образы воплотятся в действительность, лишь если я смогу придать им ясность и устойчивость.

Я пытался увидеть ее еще раз и еще раз, но результатом были только тени, призраки, безостановочно пронесившиеся по «зебре», проложенной поперек проезжей части моего

мышления. Я – тот, кто мог визуализировать в мельчайших подробностях все, на что способно воображение – не мог даже смутно изобразить в сознании ту, которая должна была стать самым важным человеком в моей жизни. Я попытался еще раз. Представить. Вообразить. Увидеть.

Ничего. Только блики, отраженные от разбитого стекла светильника, мятущиеся тени. Ничего.

Я не вижу, кто она!

Через некоторое время я оставил эту затею.

Да, психические силы – можно держать пари – когда в них возникает наибольшая потребность, они непременно куда-нибудь отлучаются, скажем, пообедать.

Едва я, до смерти устав от поездки и от изнурительных попыток что-либо увидеть, заснул, как меня разбудил внутренний голос. Он встряхнул меня так, что я испугался, и сказал:

– ЭЙ! РИЧАРД! Послушай, если тебе станет от этого легче! Эта твоя единственная в мире женщина? Родная душа? Ты ее уже знаешь!

В 8:40 утра я сошел с автобуса в самой середине Флориды. Я был голоден.

Деньги – не проблема, особенно для того, у кого завернуто в скатку столько наличных, сколько было у меня. Проблема была в другом: что теперь? Вот она – теплая Флорида. На автостанции меня не ждет никто – не только не родная душа, но никто вообще – ни друг, ни дом, ни даже ничто.

Вывеска кафе, куда я зашел, гласила, что администрация имеет право по собственному усмотрению отказывать клиенту в обслуживании.

– Каждый имеет право делать по собственному усмотрению то, что хочет, – подумал я. – Зачем об этом писать на стенах? Похоже, вы чего-то боитесь. Чего вы боитесь? Сюда что, приходят хулиганы и устраивают погромы? Или организованные преступники? В это маленькое кафе?

Официант оглядел меня и свернутую подстилку. Моя синяя джинсовая куртка была слегка порвана в одном месте на рукаве, там, где нитка выбилась из-под латки, на свертке – несколько небольших пятен солидола и чистого масла от двигателя Флайта. Я понял, что он задался вопросом: а не настал ли тот самый миг, когда следует отказать в обслуживании. Я приветливо улыбнулся.

– Привет, ну как тут у вас? – сказал я.

– Да нормально.

В кафе было пусто. Он решил, что я для обслуживания сойду:

– Кофе?

Кофе на завтрак? Фу: Эта горькая труха, наверняка из какой-нибудь дряни типа хинной коры.

– Нет, благодарю вас, – ответил я. – Наверное лучше кусок лимонного пирога – подогрейте с полминуты в микроволновке, а? И стакан молока.

– Ясненько, – сказал он.

Раньше я заказал бы в этом случае ветчину или сосиску. Но не в последнее время. Чем больше я верил в неразрушимость жизни, тем меньше мне хотелось хоть как-то участвовать даже в иллюзорном убийстве. И если хоть у одной свиньи из миллиона благодаря этому появится шанс провести жизнь в созерцании вместо того, чтобы быть заколотой мне на завтрак, то я готов напрочь отказаться от мяса. Подогретый лимонный пирог. В любой день. Я – а+ \$ +ао пирогом и через окно смотрел на городок. Похоже ли на то, что я встречу свою любовь здесь? Не похоже. И нигде не похоже. Пара шансов на миллиард.

И как это может быть – «я уже ее знаю»?

Ну, если верить мудрейшим, мы знаем всех всегда и повсюду – не встречаясь лично – не слишком удобно, когда намереваешься ограничить поле поиска.

– Эй, мисс, привет? Помнишь меня? Сознание не ограничено пространством и временем, ты несомненно вспомнишь, что мы – старые друзья:

– Не то, неправильное вступление, – подумал я. – Большинство мисс отдадут себе отчет в том, что в мире есть некоторое количество парней, с которыми следует держать ухо востро. А такое вступление определенно выдаст парня со странностями.

Я попытался вспомнить всех женщин, с которыми встречался за многие годы. Они были замужем за карьерами, мужчинами или образцами мышления, отличными от моего.

Впрочем, замужние женщины иногда разводятся, люди меняются. Можно созвониться со всеми знакомыми женщинами:

– Алло? – скажет она.

– Алло.

– Кто говорит?

– Ричард Бах.

– Кто?

– Мы познакомились в супермаркете. Помните? Вы читали книгу, а я сказал, что это – ужасная книга, а вы спросили, откуда я знаю, а я ответил, что сам ее написал?

– А-а-а, привет!

– Привет. Вы по-прежнему замужем?

– Да.

– Было приятно с вами побеседовать. Желаю вам удачного дня, о'кей?

– Э-э-э: да, конечно:

– Пока.

Но есть более удачный вариант – должен быть – чем такой вот телефонный разговор с каждой женщиной. Просто когда наступит нужный момент, я ее найду. Но ни секундой раньше.

Завтрак обошелся мне в семьдесят пять центов. Я заплатил и вышел на солнышко. День обещал быть жарким. А вечером, вероятно, будут тучи комаров. Но какое мне дело? Ведь сегодня я буду ночевать в помещении!

И тут я вспомнил, что забыл сверток с постелью и своими деньгами на стуле возле стойки в ресторане.

А здесь, на земле, совсем другая жизнь. Не то, что просто поутру собирать пожитки, увязывая их в узел на сиденье передней кабины и отправляться в дневной полет. Здесь вещи носят в руках или находят себе крышу и остаются под ней. Без Флайта, без моего Альфа-альфа Хилтона, мне больше нечего делать в скошенных полях.

В кафе был новый клиент – женщина. Она расположилась у стойки, там где недавно сидел я. Когда я подошел, она слегка испугалась.

– Прошу прощения, – сказал я, взяв сверток, лежавший на соседнем месте. – Я пару минут назад был здесь. Я бы и душу собственную мог где-нибудь позабыть, если бы она не была привязана ко мне веревочкой.

Она усмехнулась и снова углубилась в изучение меню.

– Поосторожнее с лимонным пирогом, добавил я. Но, если, конечно, вам по вкусу лимонный пирог, в котором лимоны отнюдь не в избытке, то он вам определенно понравится.

Я вышел обратно на солнышко, помахивая свертком, который нес в руке, и тут вспомнил, что в ВВС Соединенных Штатов меня учили: размахивать рукой, в которой что-либо несешь, не положено. На военной службе руками не размахивают, даже если в руках всего лишь десятицентовик.

Телефон в стеклянной будочке. Автоматически возникло решение позвонить по делу кое-кому, с кем я уже довольно давно не общался. Компания, занимавшаяся изданием моей книги, находится в Нью-Йорке. Но мне-то какое дело до того, что это – дальний междугородний разговор? Позвоню, а оплату переведу на них. В каждом деле есть свои преимущества. Бродячий пилот получает плату за полеты вместо того, чтобы за них платить, писатель звонит издателю за счет вызываемого абонента, то есть издателя.

Я позвонил.

– Элеонора? Привет!

– Ричард! – воскликнула она. – Ты где был?

– Надо подумать – сказал я. – С тех пор, как мы говорили в последний раз? Висконсин, Айова, Небраска, Канзас, Миссури, потом через Индиану и Огайо обратно в Айову и Иллинойс.

Я продал биплан. А теперь вот во Флориде. Давай я попробую угадать, какая у вас там погода, значит так: стратус – это облака – тонкий слой, рваные, высота шесть тысяч футов, над ними – плотная облачность, видимость – три мили в неплотном смоге.

– Мы тут на уши встали, чтобы тебя разыскать. Ты знаешь, что тут творится?

– Две мили в смоге?

– Книга! Твоя книга, – сказала она, – ее покупают! Ее раскупают! Ее расхватывают!

– Я понимаю, что это кажется придурью – сказал я, – но меня заклинило. Ты можешь посмотреть в окно?

– Могу, Ричард, могу. Разумеется, я могу посмотреть в окно.

– И далеко видно?

– Смог. Кварталов десять-пятнадцать. Послушай, до тебя дошло, что я говорю? Твоя книга стала бестселлером! Телевидение за тобой охотится, чтобы ты у них выступил. Из газет звонят – жаждут интервью, с радио – тоже. Владельцы магазинов хотят, чтобы ты приходил и давал автографы. Мы продаем сотни тысяч экземпляров! По всему миру! Заключены контракты в Японии, Англии, Германии, Франции. С правом издания в мягком переплете. А сегодня – контракт с испанцами:

Что обычно говорят, когда слышат такое по телефону? – Прекрасные новости, поздравляю!

– Да это я тебя поздравляю! – сказала она. – Ты что, до сих пор ничего не слышал? Я знаю, ты там где-то в лесах обитаешь. Однако теперь твое имя – во всех списках бестселлеров. В еженедельниках, в Нью-Йорк Таймс, везде. Все твои чеки мы отсылаем в твой банк. Ты проверял свой счет?

– Нет.

– Проверь обязательно. Плохо слышно, как будто ты очень далеко, ты меня хорошо слышишь?

– Хорошо. Здесь вовсе не леса. Отнюдь не все, что находится на западе от Манхэттена, поросло лесами.

– Из столовой для служащих мне видна река и Нью-Джерси за ней. И, как мне кажется, там одни сплошные леса.

Столовая для служащих. Она живет совсем на другой земле!

– Продал биплан? – вдруг спросила она, словно только что об этом услышала. – Но ты же не собираешься бросить летать?

– Нет, конечно, нет, – согласился я.

– Хорошо. А то я и представить тебя не могу без чего-нибудь летающего. Какая жуткая мысль: никогда больше не летать!

– Ладно, – сказала она, возвращаясь к делу. – Так когда ты сможешь заняться телевидением?

– Трудно сказать, – ответил я. – Не уверен, что мне хочется этим заниматься.

– Ты подумай, Ричард. Книге это пойдет на пользу, у тебя будет возможность рассказать обо всем довольно многим, рассказать историю книги.

Телецентры находятся в больших городах. Что же касается городов, по *`)-%) мере, большинства, то я предпочитаю держаться от них подальше.

– Мне нужно подумать, я позвоню.

– Пожалуйста, позвони. Говорят, что ты – явление, и все хотят на тебя взглянуть. Будь паинькой и сообщи мне о своем решении как можно скорее.

– О'кей.

– Мои поздравления, Ричард!

– Спасибо.

– Ты что, не рад?

– Рад! Просто не знаю, что сказать.

– Подумай насчет телевидения. Я надеюсь, ты согласишься выступить хотя бы в некоторых программах. Основных.

– О'кей. Я позвоню.

Я повесил трубку и сквозь стекло телефонной будки посмотрел на улицу. Как будто тот же городок, что и раньше, но как все изменилось.

– Ты только погляди, – думал я, – дневник, просто листки, отправленные в Нью-Йорк почти из прихоти, и вот на тебе – бестселлер! Ура!

Города, однако? Интервью? Телевидение? Не знаю, не знаю:

Я чувствовал себя бабочкой в люстре, среди множества свечей. В одно мгновение передо мной открылось столько замечательных возможностей выбора, но я не мог решить, куда лететь.

Автоматически я снял трубку и принялся усердно пробиваться сквозь массу кодов и номеров, пока, наконец, не достиг своего банка в Нью-Йорке и не убедил служащую, что звоню именно я и что мне необходимо справиться о балансе моего банковского счета.

– Минутку, – сказала она, – мне нужно найти его в компьютере.

Интересно, сколько там? Двадцать тысяч, пятьдесят тысяч долларов? Сто тысяч долларов? Если там их двадцать тысяч, да плюс еще одиннадцать в моей «постели» – я могу чувствовать себя богачом!

– Мистер Бах? – голос служащей банка.

– Да, мэ.м.

– Баланс этого счета составляет один миллион триста девяносто семь тысяч триста пятьдесят пять долларов шестьдесят восемь центов.

Долгая пауза.

– Вы уверены? – переспросил я.

– Да, сэ.р.

Еще одна пауза, теперь уже короткая.

– Это все, сэ.р?

– М-м-м: – сказал я, – ой, да, спасибо:

В кино, когда звонят и на том конце вешают трубку, слышны сигналы «занято». Но в жизни, когда на том конце вешают трубку, телефон просто хранит тишину. Жуткую тишину. Мы стоим там и слушаем ее долгое время.

Немного постояв, я повесил трубку, взял свой сверток и куда-то пошел.

Приходилось ли вам когда-либо, выйдя из кино после какого-нибудь поразительного фильма, прекрасно снятого по прекрасному сценарию с прекрасной парой замечательных актеров, ощутить радость от того, что вы – человек, и сказать самому себе: надеюсь, этот фильм принесет его создателям уйму денег, надеюсь, актеры, режиссер заработают миллион долларов за то, что они сделали, за то, что они дали мне сегодня? И вы возвращаетесь и смотрите фильм еще раз, и вы счастливы быть крохотной частичкой системы, которая каждым билетом вознаграждает этих людей: актерам, которых я видел на экране, достанется двадцать центов из вот этого самого доллара, который я сейчас плачу за билет! Только за те \$%-l#(, которые им достанутся от меня, они смогут купить себе порцию мороженого с каким угодно десертом!

Славные мгновения в искусстве, в литературе, кино и балете – они восхитительны тем, что мы видим самих себя в зеркале славы. Покупка книг, покупка билетов – это все способы аплодировать, благодарить за хорошую работу. И нам радостно, когда любимый фильм или книга попадает в список бестселлеров.

Но миллион долларов мне лично? И тут я вдруг понял, что это – обратная сторона дара, полученного мною от многих и многих писателей, книги которых я прочел с того дня, когда произнес: «Фе-ликс Сол-тен. Бэмби».

Я ощущал себя подобно спортсмену на доске для серфинга. Неподвижность, и вдруг – чудовищная энергия вспучивает поверхность моря, подхватывает, не спрашивая готов ли ты, и брызги рассыпаются от носа доски, от краев, за кормой, – человек во власти могучей глубинной силы, и только поток встречного ветра растягивает в улыбку уголки его рта.

Это здорово, когда твою книгу читает множество людей. Однако иногда, мчась вниз по склону гигантской волны со скоростью мили в минуту, случается позабыть, что при отсутствии высочайшего мастерства вслед за этим возможен сюрприз, о котором иногда говорят: смыло волной.

Я перешел улицу и в аптеке узнал, как пройти в место, где может быть то, что мне необходимо. Следом за забегаловкой типа «не-проходи-мимо» – на улице Лэйк Робертс Роуд, под ветвями, заросшими испанским мхом – библиотека имени Глэдис Хатчинсон.

В книгах можно отыскать все, что нас интересует, – почитай, тщательно изучи, немного практики – и вот мы уже мастерски метаем ножи, выполняем капитальный ремонт двигателей, говорим на эсперанто как на родном.

Взять хотя бы книги Нэвила Шута – закодированные голограммы порядочного человека. Опекун из мастерской, Радуга и роза. Писатель впечатывает личность, которой он является, в каждую страницу каждой своей книги, и в тиши библиотек мы можем вычитать его в свою собственную жизнь, если захотим.

Прохладный шорох большой комнаты, книги, обреченные жить на полках, я ощущаю, как они дрожат, предвкушая возможность чему-нибудь меня научить. Я с нетерпением ожидаю момента, когда с головой окунусь в книгу Итак, вы получили миллион долларов!

Как это ни странно, в каталоге такое не значилось. Я просмотрел карточки на Итак, на Миллион. Ничего. На тот случай, если название звучит иначе, скажем. Что делать, если вы внезапно стали богатым, я посмотрел также Что, Богатый и Внезапно.

Я попытался действовать иначе. И каталог «В печати» разъяснил мне, что моя проблема состоит не в том, что интересующей меня книги нет в данной библиотеке, а в том, что она вообще никогда не издавалась.

– Невозможно, – подумал я.

Я разбогател. Это происходило и со многими другими. Должен же был один из них написать книгу. Не по поводу бирж, вкладов и банков – меня интересовало не это – но о том, на что это может быть похоже, какие возможности открываются, какие мелкие напасти рычат, норовя ухватить вас за икры, какие крупные неприятности могут, подобно хищным птицам, свалиться на меня с неба в этот момент. Пожалуйста, хоть кто-нибудь, научите меня, как быть.

В библиотечном каталоге – никакого ответа.

– Простите, мэ, – сказал я.

– Да, сэр?

С улыбкой я обратился к ней за помощью. С четвертого класса мне не приходилось видеть штампик с датой, прикрепленный к деревянному карандашу, и вот теперь в ее руках я вижу его с сегодняшней датой на нем.

– Мне нужна книга о том, как быть богатым. Не о том, как добывать деньги. А что делать, если получил кучу денег. Вы бы не могли порекомендовать:

Было ясно, что к странным просьбам ей не привыкать. Да моя просьба и не была, наверное, странной: Флорида кишит цитрусовыми королями, земельными баронессами, внезапно возникшими миллионерами.

Высокие скулы, каштановые глаза, волосы до плеч волнами цвета темного шоколада. Деловая и сдержанная с теми, кого не знает как следует.

Она смотрела на меня, когда я задавал свой вопрос. Потом отвела глаза влево-вверх – направление, в котором мы обычно смотрим, когда стараемся вспомнить что-то, что знали раньше. Вправо-вверх (я где-то читал) – туда мы бросаем взгляд, когда подыскиваем что-нибудь новое.

– Что-то не припомню: – произнесла она. – Как насчет биографии богатых людей? У нас масса книг о Кеннеди, книга о Рокфеллере, я знаю. Еще у нас есть Богатые и сверх-богатые.

– Не совсем то. Не думаю. Мне бы что-нибудь типа Как справиться со внезапно возникшим богатством.

Она покачала головой, с серьезным видом, задумчиво. Интересно, все задумчивые люди красивы?

Она нажала кнопку селектора на столе и мягко проговорила в микрофон:

– Сара-Джин? Как справиться со внезапно возникшим богатством. У нас есть экземпляр?

– Никогда о таком не слышала. Есть Как я сделал миллионы на торговле недвижимостью, три экземпляра:

Неудача.

– Я посижу здесь у вас немного, подумаю. Трудно поверить. Должна же где-то быть такая книга.

Она взглянула на мой сверток, на который в этот миг падал грязноватопятнистый свет, потом опять – на меня.

– Если вы не возражаете, – спокойно сказала она, – мы могли бы положить вашу бельевую сумку на пол. У нас знаете, везде новые чехлы на стульях и креслах:

– Да, мэм.

– Наверняка – думал я, – здесь на заставленных книгами полках должно быть что-то, где написано то, что мне, вероятно, следовало бы теперь знать. – Дураки очень быстро расстаются со своими деньгами. Это было единственным, что я знал доподлинно без каких бы то ни было книг.

Мало кто способен посадить Флайта на скошенном поле так, как это делаю я. Но в тот миг в библиотеке имени Глэдис Хаггинсон я подумал, что с точки зрения обуздания фортуны я, возможно – единственный в своем роде несравненный заведомый неудачник. Бумажная работа всегда была для моего ума неподъемным грузом, и у меня были весьма серьезные сомнения относительно того, что все произойдет гладко, когда нужно будет распорядиться деньгами.

– Ладно, – подумал я, – я себя знаю, и мне известно в точности – мои слабые места и сильные стороны останутся при мне неизменно. И такая мелочь, как счет в банке, вряд ли способна переделать меня из обычного простого летчика, каким мне всегда нравилось быть, во что-нибудь иное.

Еще минут десять я изучал каталог, в итоге меня привлекли карточки, обозначенные словами Везение и Невезение. Потом я оставил эту затею. Невероятно! Такой книги, как та, которая была мне нужна, не существовало!

В растерянности и сомнении я вышел на солнышко, ощутив фотоны, бетачастицы и космические лучи, которые роились и отскакивали от всего, в тишине со скоростью света вжикая сквозь утро и сквозь меня.

Я уже почти дошел до той части городка, где находилось мое утреннее кафе, когда обнаружил исчезновение своего злополучного свертка. Вздохнув, я развернулся и отправился обратно в библиотеку по солнышку, ставшему еще теплее, за своей постелью, оставшейся лежать возле шкафа с каталогами.

– Простите, – еще раз извинился я перед библиотекарем.

Сколько у нас книг, и сколь многим еще предстоит быть написанными! Как свежие темные сливы на самой верхушке. Не слишком большое удовольствие – карабкаться по хлипкой лесенке, извиваться среди ветвей, превосходя самого себя в попытках до них дотянуться. Но сколь восхитительны они, когда работа закончена!

А телевидение, это – восхитительно!? Или работа по рекламе моей книги усилит мою боязнь толпы? Как мне удастся ускользнуть, если у меня не будет биплана, в который можно вскочить и улететь на нем над деревьями прочь?

Я направился в аэропорт – единственное место в любом незнакомом городе, где летчик чувствует себя в своей тарелке. Я определил, где он находится по посадочной сетке – незаметным следам, которые большие самолеты оставляют, заходя на посадку. Я находился практически под участком между третьим и четвертым поворотами перед посадкой, так что до аэропорта было совсем недалеко.

Деньги – это одно, а вот толпы, и когда тебя узнают, а ты хочешь тишины и одиночества – это совсем другое. Честь и слава? В малых дозах – может быть, даже приятно, ну а если ты уже не в состоянии все это пресечь? Если после всех этих телевизионных штучек повсюду, куда только ни пойдешь, кто-нибудь обязательно говорит: «Я знаю вас! Ничего не говорите: а-а, вы тот самый парень, который написал эту книгу!»

Мимо в предполуденном свете, не глядя, проезжали и проходили люди. Я был практически невидим. Они не знали меня, я был всего лишь прохожим, направляющимся в сторону аэропорта с аккуратно свернутой подстилкой в руках, некто, имеющий право свободно ходить по улицам, не привлекая к себе всеобщего внимания.

Приняв решение сделаться знаменитостью, мы лишаемся этой привилегии. Но писателю это вовсе не обязательно. Писатель может оставаться неузнаваемым где угодно, даже когда множество людей читает его книги и знает его имя. Актеры так не могут. И ведущие телепередач не могут. А писатели – могут!

Если мне предстоит стать Личностью – буду ли я об этом сожалеть? Я всегда знал – да. Вероятно, в каком-то прошлом воплощении я старался приобрести известность. Это – не захватывающе, не привлекательно, – предупреждало то воплощение, – иди на телевидение – и ты об этом пожалеешь.

Маячок. Мигалка с зелено-белым вращающимся стеклянным колпаком – ночная отметка аэропорта. Задрал нос, на посадку заходил «Аэронка-Чемпион» – двухместный тренировочный самолет с тканево-лаковой обшивкой и задним колесом под килем вместо носового спереди. Мне заочно понравился аэропорт, – только по «Чемпиону», заходящему на посадку.

А как некоторая известность отразится на моем поиске любви? Первый ответ возник мгновенно, без малейшей тени колебания: это смертельно! Ты никогда не узнаешь, Ричард, любит она тебя или твои деньги. Послушай, если ты вообще намерен ее отыскать, – ни в коем случае никогда не становись знаменитостью. Ни в каком виде.

Все это – на одном дыхании. И тут же забылось.

Второй ответ был настолько толковым, что стал единственным, к которому я прислушался. Родная душа – светлая и милая – она ведь не путешествует из города в город в поисках некоего парня, который катает пассажиров над пастбищами. И не повысятся ли мои шансы с ней встретиться, когда она узнает, что я существую? Редкая возможность, специальное стечение обстоятельств в тот самый момент, когда мне так необходимо ее встретить!

И, несомненно, стечение обстоятельств приведет мою подругу прямо к b%+%("`.с как раз во время демонстрации нужной программы и подскажет, как нам встретиться. А публичное признание постепенно рассеется. Спрячусь на недельку в Ред Оук, штат Айова, или в Эстрелла Сэйлпорте, в пустыне к югу от Феникса, и таким образом верну себе уединение, но найду ее! Разве это так уж плохо?

Я открыл дверь конторы аэропорта.

– Привет, – сказала она, – чем могу быть вам полезна?

Она заполняла бланки счетов за конторкой, и улыбка ее была ослепительна.

Мой «привет» увяз где-то между ее улыбкой и вопросом. Я не знал, что сказать.

Как ей объяснить, что я – свой, что аэропорт, и маячок, и ангар, и «Аэронка», и даже традиция дружески говорить «привет» тому, кто приземлился – это все часть моей жизни, что

все это было моим так долго, а теперь вот ускользает и меняется из-за того, что я сделал, и что я вовсе не уверен, что хочу перемен, так как знаю: все это – мой единственный дом на земле?

И что могла сделать она? Напомнить мне, что дом – это все известное нам и нами любимое и что домом становится все, что мы выбираем в качестве дома? Сказать мне, что она знает ту, которую я ищу? Или что парень на белозолотистом «Тревл Эйр» приземлялся час назад и оставил для меня записку с именем женщины и адресом? Или предложить план, сообразно которому я мог бы мудро распорядиться миллионом четырьмястами тысячами долларов? Чем она могла быть мне полезна?

– Да я, в общем-то, не знаю, чем вы можете быть мне полезны, – сказал я. – Я в некоторой растерянности, похоже. А у вас в ангаре есть старые аэропланы?

– «Потерфилд» – довольно старый – он принадлежит Джилл Хэндли. «Тигровый мотылек» Чета Дэвидсона. У Морриса Джексона – «Уэко», но он запирает машину в отдельном Т-образном ангаре:

Она засмеялась, – «Чемпионы» уже довольно старые. Вы ищете «Чемпион»?

– Это – один из лучших аэропланов в мировой истории, – сказал я.

Ее глаза сузились:

– Нет, я шучу! Не думаю, что мисс Рид когда-нибудь станет продавать свои «Чемпионы».

Наверное, я был похож на покупателя. Как люди чувствуют, что у незнакомца есть миллион?

Она вновь занялась счетами, и я заметил обручальное кольцо витого золота.

– А можно заглянуть в ангар на минутку? О'кей?

– Конечно, – она улыбнулась. – Чет – механик, он должен быть где-то там, если только не вышел пообедать в кафе напротив.

– Спасибо.

Я прошел через зал и открыл дверь, ведущую в ангар. Я был дома. Хорошо. Кремово-красная «Цессна-172» на техосмотре – колпаки двигателей открыты свечи сняты, замена масла проведена наполовину. «Бич Бонанза» – серебристый с голубой полосой на борту – аккуратно установлен на желточерных полосатых стойках – проверка механизма выпуска шасси. Самые разные легкие самолеты – я знал их все. В тишине ангара зависла напряженность того же типа, что чувствуется на лесной поляне: незнакомец ощущает на себе взгляды, замершее действие, затаенное дыхание.

Там стоял большой гидросамолет «Грумман Виджен» с двумя трехсотсильными радиальными двигателями, новым цельным лобовым стеклом, зеркалами на концах крыльев, позволяющими летчику проверить, убраны ли колеса шасси при посадке на воду. Если на такой машине сесть на воду с выпущенными колесами, то от брызг у пилотов в глазах скачут мириады солнечных зайчиков.

Я стоял возле «Виджа» и смотрел на его кабину, почтительно держа руки ' спиной. В авиации никому не нравится, когда незнакомый человек без разрешения трогает самолет. Не столько по причине возможных повреждений, сколько потому, что такое действие является неправомерной фамильярностью. Это – примерно то же самое, что, проходя мимо, потрогать жену незнакомца, чтобы посмотреть на его реакцию.

Позади меня, у двери ангара, – виднелся «Тигровый мотылек». Его верхнее крыло возвышалось над всеми остальными аэропланами как платок, которым друг машет вам над толпой. Крыло было раскрашено в те же цвета, что и самолет Шимоды – белый и золотистый! Чем ближе я подходил, пробираясь сквозь путаницу крыльев, хвостов, станков и приспособлений, тем в большей степени я был поражен цветом этой машины.

«Мотыльки» из Хэвилэнда! Целый пласт живой истории! Для меня всегда были героями

мужчины и женщины, совершившие на «Тигровых мотыльках», «Мотыльках» и «Лисах-мотыльках» кругосветный перелет из Англии. Эми Джонсон, Дэвид Гарнетт, Фрэнсис Шайчестер, Константайн Шэк Лин и сам Нэвил Шут – имена и приключения этих людей неудержимо влекли меня к борту «Мотылька». Какой милый маленький биплан! Белый с золотистыми шевронами шириной в десять дюймов, направленными остриями вперед, похожими на наконечники стрел на золотых полосах, протянувшихся до самых концов крыльев и горизонтального стабилизатора.

Выключатели зажигания – снаружи, верно, и если самолет восстановлен точно, то: да, на полу кабины – огромный английский военный компас! Я с трудом удержал руки за спиной, настолько красивой была эта машина. Так, теперь педали руля поворота – на них должны быть:

– Нравится самолет, да?

Я чуть не вскрикнул от неожиданности. Человек уже, вероятно, с полминуты стоял рядом, вытирая руки от масла ветошью и наблюдая за тем, как я разглядываю «Мотылька».

– Нравится? – сказал я. – Да она просто прелестна!

– Спасибо. Я закончил ее год назад. Восстановил, начиная с самых колес.

Я присмотрелся к обшивке: Сквозь краску слабо проступала фактура ткани.

– Похоже на секонит, – сказал я, – хорошо сработано.

Это было сказано в качестве необходимого вступления. За один день не научишься отличать хлопок класса А от секонитовой обшивки старых аэропланов.

– А компас? Его ты где нашел?

Он улыбнулся, довольный тем, что я заметил:

– Ты не поверишь: в комиссионном магазине в Дотхэне, Алабама! Прекрасный компас королевских ВВС выпуска 1942 года. Семь долларов с полтиной. Как он там оказался? Это я у тебя могу спросить. Но я его оттуда извлек, можешь не сомневаться!

Мы обошли вокруг Мотылька. Он говорил, я слушал. И знал, что цепляюсь за свое прошлое, за известную и потому простую жизнь в полете. Может быть, я поступил чересчур импульсивно, продав Флайта и обрубив все концы, связывавшие меня со вчерашним днем, чтобы отправиться на поиски неведомой любви? Там, в ангаре, у меня возникло ощущение, что мой мир как бы превратился в музей или старое фото. Отвязанный плот, который легко уплывает прочь, медленно уходя в историю:

Я тряхнул головой, нахмурился и перебил механика:

– Чет, Мотылек продается?

Он не отнесся к вопросу серьезно:

– Любой самолет продается. Как говорится, все дело в цене. Я скорее самолетостроитель, чем летчик, но за Мотылька запрошу уйму денег, это уж точно.

Я присел на корточки и заглянул под самолет. Ни единого следа масла на обтекателе двигателя.

Год назад восстановлена авиамехаником и с тех пор так и стоит в

– # `%. Этот Мотылек – действительно особая находка. Я никогда ни на минуту не допускал и мысли, что перестану летать. На Мотыльке я могу пересечь страну. Летая на телевизионные интервью и всюду, куда потребуется, я, может быть, найду родную душу!

Я положил на пол свою сложенную подстилку и сел на нее. Она хрустнула.

– Уйма денег – это сколько, если наличными?

Чет Дэвидсон ушел обедать с полуторачасовым опозданием. С формулярами и техническими инструкциями на Мотылька я направился в контору.

– Простите, мэм, у вас тут есть телефон, да?

– Разумеется. Местный звонок?

- Нет.
- Автомат на улице возле выхода, сэр.
- Спасибо вам. У вас замечательная улыбка.
- Вам спасибо, сэр.

Хороший обычай – обручальные кольца. Я позвонил в Нью-Йорк Элеоноре и сообщил ей, что согласен появиться на телевидении.

Сон под крылом в полях порождает безмятежность познания. Звезды и дождь, и ветер раскрашивают сны в реальность. В гостиницах же, как я обнаружил, нет ни познания, ни безмятежности.

Наилучшим образом сбалансированное питание – блинная мука, замешанная на воде из ручья среди цивилизованной дикой природы фермерской Америки. Запихивание в себя жареного арахиса в такси, галопирующем в направлении телецентра, – не столь сбалансировано.

Гордое «ура» пассажира, целым и невредимым сошедшего на землю со старого биплана, страх высоты, сменившийся чувством победы. Вымученное телеинтервью в промежутке между коммерческой рекламой и тиканьем секундной стрелки – ему не хватает этого духа совместного триумфа.

Но она стоит гостиниц, арахиса, интервью в жестком режиме текущего времени, она – моя иллюзорная родственная душа, и встретить ее мне доведется, если я буду продолжать – движение, наблюдение, поиск в телестудиях по городам и весям.

Я ни на мгновение не усомнился в ее существовании, потому что почти-ее я встречал повсюду. Немало постранствовав, я знал, что Америку осваивали удивительно привлекательные женщины, ведь миллионы их дочерей населяют эту страну сегодня. Проходящий мимо бродяга, я знал их лишь в роли клиентов, наблюдать за которыми в перерывах между полетами – такое наслаждение.

Мои беседы с ними имели практический характер. Аэроплан гораздо более надежен, чем кажется на первый взгляд. Если вы завяжете волосы лентой, мэм, прежде, чем мы поднимемся в воздух, то после приземления вам гораздо легче будет их расчесать. Да, там очень ветрено – как-никак десять минут в открытой кабине на скорости в восемьдесят миль в час. Спасибо. С вас три доллара, пожалуйста. К вашим услугам! Мне тоже полет доставил удовольствие.

Телепередачи, успех книги, новый счет в банке, или просто я перестал безостановочно летать? Я вдруг начал относиться к встречам с привлекательными женщинами совсем не так, как раньше. Намеренный поиск – я смотрел на каждую из них теперь сквозь призму надежды. Каждая была той самой единственной до тех пор, пока не доказывала мне обратное.

Шарлен – телеведущая – могла бы быть родственной мне душой, если бы не была слишком хорошенькой. Невидимые недостатки, которые видела лишь она, глядя на себя в зеркало, напоминали ей, что Бизнес жесток, что у нее осталось всего несколько лет на то, чтобы заработать пенсию и скопить кое-какие деньги. С ней можно было беседовать и о других вещах но недолго. Она неизменно возвращалась к Бизнесу. Контракты, переезды, деньги, агенты. Это было ее способом говорить, что она испугана и не может придумать, как ей выбраться из-под убийственного зеркального колпака.

У Джейни страх отсутствовал. Джейни любила вечеринки, ей нравилось пить. Очаровательная, как восходящее солнце, она хмурилась и вздыхала, когда обнаруживала, что я не знаю, где будет какое-нибудь мероприятие подобного рода.

Жаклин не пила и не увлекалась вечеринками. Быстрая и смышленная, она не могла поверить в собственный ум.

– Осечка средней школы. Исключили, – говорила она, – не нашлось на мое имя диплома. Без диплома человек не может быть образованным. Ведь правда, не может. И без научной степени. Вот и приходится болтаться, полагаясь на надежность ремесла официантки коктейль-холла. И не важно, насколько это задевает за живое. Деньги хорошие. Нет образования. Из школы пришлось уйти, понимаешь.

Лиэнн ни капельки не беспокоили ни ступени, ни работа. Она хотела выйти замуж, и лучший способ выйти замуж видела в том, чтобы почаще появляться со мной на людях. Ее экс-муж, видя это, должен был, по ее замыслу, захотеть, чтобы она к нему вернулась. Из ревности возникнет счастье.

Тамара любила деньги. В своем роде она была просто ослепительна – женщина вполне достойная высокой цены. Лицо натурщицы, ум, просчитывавший все даже тогда, когда она смеялась. Хорошо начитанная, много путешествовавшая, владеющая множеством языков. Ее бывший муж был биржевым брокером, и Тамара теперь хотела открыть собственную брокерскую контору. На то, чтобы поднять свой бизнес, ей хватило бы ста тысяч долларов. Всего сто тысяч, Ричард, ты мне не поможешь?

– Если бы я мог, – думал я, – если бы я мог найти женщину с лицом Шарлен и телом Лиэнн, способностями Жаклин. обаянием Джейни и холодным равновесием Тамары – тогда передо мной была бы родственная душа, правда?

Но дело в том, что лицо Шарлен было неотделимо от ее страхов, а тело Лиэнн – от проблем Лиэнн. Каждая новая встреча была интригующей, но проходили дни, и цвета тускнели, загадочность, заблудившись, исчезала в лесу идей, которые мы не разделяли. Мы Все были друг для друга ломтями пирога, неполными и незавершенными.

Неужели не существует женщины, – подумал я наконец, – которая не способна в первый же день доказать, что она – не та, кого я ищу? У большинства тех, кого я встречал, было трудное прошлое, большинству нужно было больше денег, чем у них было. Мы были готовы принять уловки и недостатки друг друга, и, едва познакомившись, тут же начинали называть себя друзьями. Это был бесцветный калейдоскоп, и в нем каждый был настолько же изменчивым и серым, насколько шумным.

К тому времени, когда на телевидении от меня устали, я купил короткокрылый биплан с мощным двигателем, который составил компанию Мотыльку. Я очень много тренировался и через некоторое время начал за плату давать шоу по высшему пилотажу.

На летных авиационных представлениях собираются многотысячные толпы, и если я не могу найти ее на телевидении, я, наверное, найду ее на летном празднике.

С Кэтрин я познакомился после своего третьего выступления. Это было в Лэйк Уэльс, Флорида. Она возникла из толпы, собравшейся вокруг самолета, словно была старой знакомой. Улыбнувшись нежной интимной улыбкой, прохладной и одновременно близкой, насколько это было возможно.

Неизменно спокойный взгляд, даже в сиянии яркого полудня. Длинные темные волосы, темно-зеленые глаза. Чем темнее глаза, тем, говорят, легче переносить яркое солнце.

– Забавный, – сказала она, кивая на биплан, не обращая внимания на шум (толпу).

– Не дает с тоски помереть, – ответил я. – Если самолет подходящий, можно улизнуть от самой жуткой скуки.

– А как ощущение, когда носишься там вверх ногами? Вы катаете пассажиров или только выступаете?

– В основном выступаю. Немного катаю. Иногда. Если поверишь, что не вывалишься из самолета, то даже приятно так носиться.

– А меня вы не покатаете, – спросила она, – если я как следует попрошу?

– Вас – можно, когда представление закончится. – Я никогда не видел таких зеленых глаз. –

А как следует – это как?

Она невинно улыбнулась,

– Пожалуйста?

Оставшуюся часть дня она постоянно крутилась поблизости, время от времени исчезала в

толпе, опять появлялась, улыбаясь и делая заговорщицкие знаки. Когда солнце уже почти зашло, возле самолета не осталось никого, кроме нее. Я помог ей забраться в переднюю кабину маленькой машины.

– Два привязных ремня, не забудьте, – сказал я. – Одного в общем-то вполне достаточно, чтобы удержать вас в самолете, какие бы трюки мы ни проделывали, однако нам все же нравится, когда их два.

Я рассказал ей, как пользоваться парашютом, если придется прыгать, подтянул мягкие ремни, чтобы они плотно облегли ее плечи и пристегнул их внизу замком, укрепленным на поясном ремне. У вас красивая грудь. Я чуть было не сказал это в качестве комплимента. Но вместо этого произнес:

– Нужно всегда проверять – все должно быть затянуто как можно туже. Когда самолет перевернется вверх колесами, вам покажется, что все ремни держат намного слабее, чем сейчас.

Она усмехнулась мне с таким видом, будто я остановил свой выбор на комплименте.

Гул двигателя – кособокое солнце пылает на краю мира, вверх колесами над облаками – невесомость тройной петли между небом и землей. Она была прирожденным летчиком, она была в восхищении от полета.

Мы приземлились в сумерках, и к тому времени, когда я заглушил двигатель, она уже выскочила из своей кабины, обхватила мою шею руками и поцеловала меня, воскликнув:

– ЭТО – ТО, ЧТО Я ЛЮБЛЮ!

– О, Господи: – проговорил я, – я вовсе не это имел в виду.

– Вы потрясающий пилот!

Я привязал самолет к кабелям, протянувшимся в траве.

– Лесть, мисс, откроет перед вами все двери.

Она настояла на том, чтобы мы поужинали за ее счет в уплату за полет. Она рассказала мне, что разведена и работает старшей официанткой в ресторане неподалеку от домика на сваях, который я купил. Заработок и алименты – денег ей вполне хватало. Она теперь подумывала о том, чтобы вернуться в институт изучать физику:

– Физику?! А что привело вас к физике, расскажите: Такая притягательная личность – положительная, прямая, с «царем в голове».

– Она открыла сумочку.

– Не возражаете, если я закурю?

Ее вопрос меня ошарашил. Но мой собственный ответ – вообще лишил дара речи:

– Что вы, конечно не возражаю.

Она закурила и принялась рассуждать о физике, не замечая, какой кавардак творился по ее милости в моем уме. РИЧАРД! ТЫ ЧТО? ЧТО ТЫ ИМЕЛ В ВИДУ КОГДА СКАЗАЛ, ЧТО НЕ ВОЗРАЖАЕШЬ? Дама курит СИГАРЕТУ! Ты знаешь, о чем это говорит? Каковы ее ценности и ее будущее в твоей жизни? Это говорит о том, что путь закрыт, о том:

– Заткнитесь! – сказал я своим принципам. Яркая личность, не похожа на других, прекрасна, как зеленоглазая молния, ее приятно слушать, она /%+%ab-, теплая, возбуждает, а я так устал думать в одиночестве и спать с хорошенькими чужими. Потом когда-нибудь, я поговорю с ней насчет курения. Но не сегодня.

Мои принципы исчезли так быстро, что я даже испугался.

– : конечно, богатой я не стану, но позволить себе это смогу, – между тем говорила она, – собираюсь купить собственный самолет, пусть старый и потрепанный! Я пожалею?

Дым вился и тянулся, как и положено любому табачному дыму, прямо ко мне. Я выставил против него ментальный экран стеклянной мыслеформы, и тут же обрел над собой контроль.

– Вы хотите сначала купить самолет, а потом – научиться на нем летать? – спросил я.

– Да. Тогда мне придется платить только за обучение, а не за аренду аэроплана с инструктором. При длительном обучении так будет дешевле? Вам не кажется, что это – мудро?

Мы поговорили об этом и через некоторое время я предложил ей время от времени летать со мной на одном из моих самолетов.

– Новая «Озерная амфибия», – подумал я, – с ее сглаженными обводами словно специально предназначенная для полетов сквозь будущие и прошлые времена – вот та машина, которая ей понравится.

Через два часа я уже растянулся на кровати, представляя себе, как она будет выглядеть, когда я встречу с ней в следующий раз.

Долго ждать мне не пришлось. Она была восхитительна – гибкое загорелое тело, прикрытое махровой тканью.

Потом полотенце упало, она скользнула под одеяло и прильнула ко мне в поцелуе. Но это не был поцелуй, говоривший: Я-знаю-кто-ты-и-я-тебя-люблю. Он означал: давай займемся любовью сегодня, а там будет видно.

Как приятно было просто наслаждаться, а не желать кого-то, кого невозможно отыскать!

– Ты бы лучше не курила в доме, Кэти.

Она удивленно взглянула на меня, зажигалка замерла в дюйме от сигареты.

– Ночью ты не возражал.

Я поставил тарелки в мойку, прошелся губкой по кухонной стойке. Снаружи было уже тепло, только немного белых пушистых клочьев в утренней вышине. Редкие облака на высоте шесть тысяч футов, видимость – пятнадцать миль в легкой дымке. Никакого ветра:

Она была так же притягательна, как и день назад. Мне хотелось бы узнать ее получше. Неужели из-за сигарет мне придется прогнать женщину, к которой я могу прикасаться и с которой я могу разговаривать больше минуты?

– Разреши мне объяснить, что я думаю про сигареты, – сказал я.

Времени у меня было предостаточно, и я объяснил.

– : и говорит всем окружающим, – закончил я, – говорит: «Ты для меня значишь так немного, что мне нет никакого дела, что тебе дышать нечем. Умирай, если хочешь, а я буду курить!» Не очень уважительная привычка – курение. Это не то, что нужно делать для людей, которые тебе нравятся.

Вместо того, чтобы в раздражении гордо хлопнуть дверью, она еще и добавила:

– Ужасная привычка. Я знаю. Мне нужно подумать, как с ней разделаться. Она бросила сигареты и зажигалку в сумочку. : В какой-то момент физика себя исчерпала – захотелось прославиться в качестве фотомодели. Потом пение. У нее был прелестный голос, подобный '."с сирен из туманного моря. Но каким-то образом проходя мимо своих желаний, она стала делать карьеру, ее стремление посвятить себя чему-то было утрачено, и она уцепилась за новую мечту. В результате это обернулось уже в мою сторону – не помогу ли я ей открыть маленький модный магазинчик?

Кэти была беззаботной и сообразительной, ей нравилась амфибия, она тут же выучилась ею управлять, – и была непоправимо чужой. Как бы ни была она хороша, она была чужеродным телом в моей системе, и система быстренько заработала на то, чтоб вытеснить ее как можно мягче. Мы никогда не смогли бы быть родственными душами. Мы были двумя кораблями, которые встретились посреди океана. Каждый из них изменил на какое-то время курс и мы пошли в одном направлении по пустынному морю. Различные суда на своем пути в разные порты, – и мы это знали.

У меня было странное чувство, что я толкусь на месте, что я жду, чтобы случилось нечто, после чего моя жизнь сможет снова обрести свой странный и прекрасный путь, свою цель и направление.

Пока я – половинка пары, отделенная от своей любви, – думал я, – я должен надеяться, что она пытается делать все, что может без меня, чтобы мы каким-то образом обнаружили друг друга. В то же время, мой ненайденный близнец, ждешь ли от меня того же? Насколько мы можем быть близки, отдавая тепло чужим?

Дружба с Кэти приятна как нечто временное, но это не должно стать ловушкой, вмешаться, стать на дороге моей любви, когда бы она ни пришла.

Это был чувственный, вечно новый поиск замечательной женщины. Почему так угнетающе это чувство, что зима пришла слишком рано? Не имеет значения, с какой скоростью река времени перекатила через свои скалы и омуты, – мой плот налетел на оснеженные пороги. Это не смертельно – быть остановленным на какое-то время. Несмотря на грохот, я надеюсь, что это не смертельно. Но я выбрал эту планету и это время, чтоб выучить какой-то трансцендентный

урок, не знаю какой, встретить женщину, не такую, как все. Вопреки этой надежде внутренний голос предостерегает, что зима может превратить меня в лед еще до того, как я вырвусь на свободу и найду ее.

Я чувствовал себя в самолете на высоте двух миль так, как будто меня распластали на кухонном столе и затем вышвырнули за дверь. Одно мгновение самолет во всей красе в дюймах от моих пальцев: я падал, но я мог бы ухватиться и вернуться на борт, если бы в этом была отчаянная необходимость.

В следующее мгновение уже поздно, ближайшая вещь, за которую я мог бы ухватиться, – на высоте пятидесяти футов надо мной, улетает со скоростью сто футов в секунду. Я непрерывно падаю, падаю вниз. Только стремительный полет вниз.

О, Бог мой, – думаю я. – Я уверен, что хочу это делать?

Если вы в нем одно мгновение, то свободное падение дает много впечатлений. Но если вы начинаете заботиться о следующем мгновении, они сильно тускнеют.

Я падаю в широком вихре, наблюдая за землей, – какая она большая, какая тяжелая и плоская, и ощущая себя ужасно маленьким. Никакой кабины, не за что ухватиться.

Не волнуйся так, Ричард, – подумал я. – Здесь справа на груди кольцо, ты можешь потянуть за него в любой момент, когда захочешь, и раскроется парашют. Существует еще одно запасное кольцо, на случай, если основной парашют подведет. Ты можешь потянуть сейчас, если хочешь, но тогда ты должен отказаться испытать радость свободного падения.

Я взглянул на высотомер на запястье. Восемь тысяч футов, семь тысяч пять: Дорога внизу на земле была мишенью из белого гравия, в которую я попаду через несколько минут. Но посмотри на все это пустое небо между сейчас и тогда! О, мой:

Какая-то часть в нас всегда является наблюдателем, и не имеет значения, за чем она наблюдает. Следит за нами. Не заботится, счастливы мы или несчастливы, хорошо нам или плохо, живы мы или мертвы. Его единственная работа – сидеть у нас на плечах и выносить приговор: стоящие мы человеческие особи или нет.

В данный момент наблюдатель уселся на мои резервные доспехи, одетый в свою собственную куртку для прыжков и парашют, и комментирует мое поведение.

Больше нервов, чем следует при такой сцене. Глаза слишком широко раскрыты, слишком учащенное сердцебиение. Приятное возбуждение смешано со слишком большой дозой испуга. Степень качества весьма далекая от прыжка 29: С-минус.

Мой наблюдатель оценивает жестко. Высота пять тысяч двести: четыре тысячи восемьсот. Выброшу руки перед собой в штормовой ветер – и я приземлюсь на ноги; руки назад – и я нырну головой в землю. Именно так, должно быть, и летают, – думал я, – без самолета, только нет безнадежного желания подниматься так же быстро, как и спускаться. Лететь вверх было бы чудесно даже на третьей скорости.

Витание в облаках во время свободного падения. Мысли бесцельно блуждают. Изменение качества: D-плюс.

Высота три тысячи семьсот футов. Еще высоко, но моя рука потянулась к кольцу, я подцепил его правым большим пальцем, резко дернул. Фал свободно выскользнул; я слышал дребезжание за спиной, – и это должно было означать, что вытяжной парашютик открылся.

Рано дернул. Слишком рано лезть под купол. D.

Дребезжание продолжалось. Но сейчас я мог получить шок от рывка при открывании основного купола. Вместо этого я безудержно падал. Без всяких причин мое тело стало вращаться.

Что-то:, – думал я, – что-то не так? Я посмотрел через плечо туда, где дребезжание. Вытяжной парашют бился и распластывался, пойманный стропами. Там, где должен быть основной парашют, был узел спутанного нейлона, красное, и голубое, и желтое шумело радостным водоворотом.

Шестнадцать секунд – пятнадцать – фиксировать, пока я не ударил землю.

Она, вращаясь, смотрела на меня, а я собирался ударить это сияние оранжевой рощицы. Может, в деревья, но скорее нет.

Срезать, – я должен выучиться этому на практике. Меня осенило, что нужно сейчас срезать основной парашют и развернуть резервный из укладки на груди. Хорошо ли это – неудача с парашютом на моем двадцать девятом прыжке? Не думаю, что это хорошо.

Сознание вышло из-под контроля. Никакой дисциплины. D-минус.

Было редкостной удачей, что время шло так медленно. Секунда проходила как минута.

И, вообще, почему это так трудно поднять руки к защелкам и отделаться от развалин купола?

Мои руки весили тонны, и я по дюйму, медленно, с невероятными усилиями тянулся к застегкам на плечах.

И чего стоит это племя? Они не объяснили мне, как это будет трудно – дотянуться до защелок!

В дикой ярости на своих инструкторов я, преодолев последних полдюйма, внезапно ухватился за защелки и, рванув, открыл.

Медленно, медленно. Слишком медленный путь.

Я прекратил вращаться, перевернулся спиной вниз, чтобы развернуть резерв, и к своему немалому удивлению обнаружил, что спутанный нейлон остался при мне.

Я был стремительно летящей падающей римской свечой, уставшей от яркого горения, падающей материей, горящей ракетой, летящей с неба.

– Курсанты, послушайте, – сказал инструктор. – Такого с вами случиться не может, но не забудьте: никогда не раскрывайте резервный в несработавший основной, потому что он тоже не работает. Будет что-то вроде вывески парикмахерской, украшенной вымпелами, и это даже не замедлит вашего падения! ВСЕГДА СБРАСЫВАЙТЕ ЕГО!

Но я действительно сбросил, но вот он – спутанный основной продолжает болтаться на стропах.

Мой наблюдатель со своего места фыркнул от отвращения.

Теряет рациональность под давлением обстоятельств. F. Это может привести и поражению.

Я почувствовал землю, падающую на меня. Трава могла бы врезаться мне в шею со скоростью 125 миль в час. Быстрый способ умереть. Почему я не вижу свою жизнь, как тряпку перед глазами, почему я не покинул тело перед тем, как брякнуться, так, как об этом сказано в книге? ДЕРНИ РЕЗЕРВНЫЙ!!!

Действие запоздало. Вопросы не имеют отношения к ответам. В общем, – жалкое существо.

Я дернул аварийное кольцо, и немедленно перед лицом взорвался запасной, вверх из укладки в виде шелковой снежной раковины, выгнутой в небо. Он устремился вверх, мимо тряпки основного; не сомневайтесь, – усталости во мне было на две сгоревшие римские свечи.

Потом, как белый оглушительный выстрел, – эта штука открылась, раскрылась полностью, я дернулся, остановившись в воздухе на высоте всего четырехсот футов над оранжевой рощей, поломанная марионетка, в последнюю секунду подхваченная на свою нитку.

Время снова сжалось, переключившись на высокую передачу; отхлестанный деревьями, я ударил землю ботинками и оказался на траве не мертвым, а только тяжело дышащим.

Может быть, я уже упал вниз головой и разбился насмерть, думал я, а затем запасной парашют смог оттащить меня во времени на две секунды назад и таким образом спас меня?

Мне едва удалось избежать выбора такого альтернативного будущего, где меня ожидала смерть от удара о землю. И теперь, когда это будущее удалялось от меня, мне захотелось помахать ему на прощанье. Помахать почти с грустью. В том будущем, которое уже стало для меня альтернативным прошлым, я внезапно получил ответ на давно интересовавший меня вопрос об умирании.

Пережил прыжок. Кое-как справился благодаря удаче и действиям ангелов-хранителей. Ангелы-хранители: А. Ричард; Ф.

Я подтащил к себе резервный парашют, собрал его в аккуратную пышную грудку, с признательностью обнял его и положил рядом с основным. Потом я а(\$%+ на земле возле деревьев, снова переживал последние минуты, записывая в карманную записную книжку все, что случилось, все, что я увидел и подумал, все, что сказал маленький наблюдатель, грустное прощание со смертью, все, что я помнил. Когда я писал, рука не дрожала. Или я не получил шока от прыжка, или беспощадно подавил его.

И вот я снова дома. Нет никого, с кем бы я мог поделиться своим приключением, никто не задаст мне вопросов, которые помогли бы мне выявить те интересные стороны происшедшего, которых я не заметил сам. Кэти ушла куда-то с кем-то, чтобы провести свободный вечер. У детей Бриджит в школе спектакль. Джилл устала после работы.

Лучшее, до чего я смог додуматься, – это междугородний звонок Рейчел в Южную Каролину. Ей было приятно поговорить со мной, сказала она, и я могу приехать к ней погостить, как только смогу. Я не упомянул прыжок. нераскрывшийся парашют и другое будущее – свою смерть в оранжевой роще.

Чтобы отпраздновать этот вечер, я приготовил себе картофельную запеканку точно в соответствии с рецептом своей бабушки: картофель и пахта, яйца и мускатный орех, ваниль – все это потом охлаждают до заиндевания и покрывают шоколадной глазурью. В одиночестве я съел третью часть еще теплой запеканки.

Я подумал о прыжке и в конце концов пришел к выводу, что я не должен им рассказывать о случившемся, не должен рассказывать о нем вообще никому. Боюсь, это было бы с моей стороны просто хвастовством, – рассказывать, что я избежал смерти. И что бы они сказали мне в ответ? «Боже мой, это были жуткие минуты!» «Ты должен быть более внимательным!»

Наблюдатель появился снова и начал писать. Я скосил глаза и наблюдал.

Он изменяется. С каждым днем он все сильнее защищается, становится все более одиноким,

отдаленным от других. Он выдумывает испытания для родственной души, которую еще не нашел, строит стены, лабиринты и огромные крепости на пути той, что отважится искать его в центре всей этой путаницы. Он получает оценку "А" по самозащите от той единственной в мире, которую мог бы любить и, которая однажды могла бы полюбить его. Он не находит себе места сейчас: Найдет ли она его до того, как, он покончит с собой?

Убить себя? Самоубийство? Даже наши наблюдатели не знают нас. Нераскрывшийся парашют не был моим недосмотром. Случайная неудача, которая больше не повторится!

Тогда я не потрудился вспомнить, что парашют укладывал я сам.

Неделю спустя я приземлялся для заправки во второй половине дня. На этот раз большие неприятности случились с моим большим скоростным Мустангом Р-51. Отказала радиосвязь, не сработал левый тормоз, сгорел генератор, датчики температуры непонятно почему зашкалили до красной черты, а затем неожиданно снова заработали нормально. Определенно это был не лучший день, и было ясно, что это худший самолет из всех тех, на которых я когда-либо летал.

Мне нравятся почти все самолеты, но с некоторыми я просто никогда не смогу ужиться.

Посадка и заправка, подтягивание тормозов и снова как можно скорее на взлет. Длительный полет, и вот я замечаю по датчикам состояния двигателя, что сразу же за этим огромным винтом творится что-то не то. Многие детали самолета стоят не меньше ста долларов, а если учесть, что они ломаются как спички, – они стоят тысячи.

Шасси большого военного самолета плыли в фуле над посадочной полосой в Мидленде, Техас; потом они коснулись земли. В то же мгновение левая крышка лопнула, и самолет отбросило в направлении бровки, которая в один миг превратилась в пыль.

Время остановилось. Самолет продолжал двигаться достаточно быстро, gb.!k оторваться от земли, и я выжал газ до отказа, стараясь поднять машину в воздух.

Неправильный выбор. Скорости не достаточно для взлета.

Самолет на секунду или что-то около этого задрал нос, но это было последнее, что он смог сделать.

Под нами волновалась полынь; самолет ударился о землю и левая стойка шасси немедленно сломалась. Огромный винт взрыхлил землю, и, как только он согнулся, двигатель внутри заклинило, он заревел и разорвался внутри своего капота.

Это было так знакомо – вялотекущее время. И смотри-ка кто здесь! Мой наблюдатель, с бортовым журналом и карандашом.

Как поживаешь, приятель, давно не виделись.

Болтает с наблюдателем в то время, как самолет разваливается на куски среди полыни. Похоже, что хуже тебя пилота я не видел.

Я хорошо знал, что аварии Мустангов – это вам не обычная будничная авария самолета. Эти машины так велики, быстроходны и опасны. Они сметают все на своем пути и взрываются красочными фейерверками желтого и оранжевого пламени, как динамит, превращаясь в роковой черный дым и разлетающиеся в радиусе полмили от эпицентра болты и обломки. Пилот при этом ничего не успевает почувствовать.

Взрыв приближался ко мне со скоростью восемьдесят миль в час: Оранжевобелый клетчатый корпус дизель-генератора, находящегося в самом центре всего этого хаоса, подумал, что он сможет уцелеть во время аварии сверхскоростного самолета. И был не прав.

Еще несколько ударов о землю, и другое шасси тоже было потеряно, половина правого крыла и капот развеялись без следа. Почему я не покидаю свою тело? Во всех книгах говорится:

Меня бросило вперед на привязных ремнях, когда мы врезались, и мир потемнел в моих глазах.

Несколько секунд я ничего не видел. Полное отсутствие боли.

Очень спокойно здесь на небесах, думал я, трясая головой, распрямляясь.

Совсем не больно. Спокойное, тихое шипение: Что там может на небесах шипеть, Ричард?

Я открыл глаза и обнаружил, что небеса выглядят как списанный правительством Соединенных Штатов корпус дизель-генератора, сокрушенный обломками крушения очень большого самолета.

Происходящее доходит до него, как до жирафа.

Одну минуту! Может: это не Тот Свет? Я не мертв! Я сижу внутри того, что осталось от этой кабины, а самолет все еще не взорвался! Он собирается Р-Р-РАЗОРВАТЬСЯ через две секунды, а я сижу в нем как в ловушке: Не собираюсь погибать в результате взрыва, я явно собрался сгореть!!!

Спустя десять секунд я бежал со скоростью чемпиона по спринту на двести ярдов от дымящихся обломков, которые когда-то были если не надежным, дешевым и удобным, то по крайней мере красивым самолетом. Я споткнулся и бросился лицом вниз в песок, как это делают пилоты в кино перед тем, как на экране произойдет взрыв. Лицом вниз, в ожидании удара прикрыть руками голову.

Способен передвигаться с замечательной скоростью, когда наконец до него доходит.

Полминуты. Ничего не случилось. Еще полминуты.

Я поднял голову и осторожно оглянулся.

Потом встал на ноги, небрежно отряхнул песок и полынь с одежды. Мепонятно почему, старый рок-н-рольный мотив забарабанил у меня в ушах. Я почти не обратил на него внимания. Попытка быть бесстрастным?

Вот паршивец! Я никогда не слышал, чтобы '51 не взорвался, как полная бочка с порохом, но он не взорвался, и единственным исключением из общего правила было то, что катастрофа произошла с машиной, пилотом которой был я. Теперь придется долго давать объяснения, заполнять бумажки, которые пойдут в архив: Пройдет много времени, прежде чем я смогу взять билет на самолет, летящий на запад. Мелодия продолжала звучать.

Достаточно быстро оправился от шока. "В" с плюсом за хладнокровие, когда все закончилось.

Польщенный, насвистывая мелодию, я подошел к останкам того, что осталось от Мустанга, нашел саквояж, сумку и бритвенный прибор и бережно отложил их в сторону.

Крепкая кабина, можно сказать после случившегося.

И естественно! Самолет не взорвался потому, что когда я сидел, в баках уже почти не было горючего.

В это время наблюдатель, покачивая головой, покинул меня, а в поле зрения появилось пять пожарных машин. Их совсем не интересовало все, что я им говорил об отсутствии топлива. Они залили обломки пеной безо всяких причин для этого.

Мне было жаль радиоаппаратуру, часть которой осталась целой в кабине и стоила дороже золота. «Постарайтесь не залить пеной кабину, парни, пожалуйста! Там аппаратура:»

Слишком поздно. Боясь, что может начаться пожар, они. заполнили кабину пеной до самого верха.

И что теперь делать, – беспомощно думал я. Что-теперь, что-теперь, чтотеперь?

Я прошел мимо до аэропорта, купил билет на ближайший рейс, как можно короче описал в рапорте происшедшее, объяснил аварийщикам куда стаскивать обломки безнадежно искореженной машины.

В этот момент, когда я писал для них свой адрес, сидя за столом в ангаре, мне припомнилась мелодия, которая бубнила в моей голове с момента аварии.

Ш-бум, ш-бум: и множество йя-т-та, йя-т-та.

Почему я напеваю эту песню? Удивительно. Через двадцать лет, почему бы и нет?

Песне не было дела до этого, она продолжала звучать: жизнь только сон! Ш-бу-ум! И я возьму тебя в рай выше всех! Ш-бу-ум:

Эта песня! Это пел призрак Мустанга, со всеми соответствующими звуковыми эффектами.

Жизнь – это только сон, любовь моя:

Конечно жизнь – это сон, ты, жестяное помело! И ты чуть не забрал меня в свой рай выше всех! Ш-бу-ум; ты, разорванный на куски увалень!

Нет ничего такого, что, появившись в нашем уме, не имело бы смысла. Этот самолет, я никогда не принимал его всерьез.

Рейсовый самолет выруливал на взлетную полосу мимо польни. Я наблюдал со своего места через иллюминатор.

Залитое пеной тело Мустанга возлежало на платформе, как на ложе, кран поднимал кусок крыла.

Ты захотел поиграть, самолет? Тебе нравилось что-нибудь ломать при каждом полете, теперь ты захотел и вовсе пойти против моей воли?

Ты проиграл! Может, ты и найдешь кого-нибудь, кто забудет твое прошлое и скотит тебя когда-нибудь, лет через сто после сегодняшнего дня. Может, ты вспомнишь этот день и будешь в нему добр!

Клянусь тебе, машина, – сколачивать тебя буду не я.

Сначала случай с парашютом, теперь еще и авиакатастрофа. Я думал об этом, улетаю на Запад, и через какое-то время решил, что меня вели Свыше, и я вышел невредимым из ситуации, которая оказалась немного более опасной, чем я мог предположить.

Кто-нибудь другой мог бы увидеть в этом что-то иное. Катастрофа не была проявлением моей защиты в действии, этот случай был скорее свидетельством того, что она иногда бывает ненадежной.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Купить бумажную книгу](#)